

Григорий Кац

НОЧЬ ВНЕ ЗАКОНА

Григорий Кац
Ночь вне закона

«Издательские решения»

Кац Г.

Ночь вне закона / Г. Кац — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855843-6

Остросюжетная криминальная повесть «Ночь вне закона» повествует о крайне сложных и запутанных приключениях обычных с виду людей; но эти приключения оказываются смертельно опасными. Важные сотрудники налоговой полиции и службы безопасности, отпетые бандиты и привлекательные женщины, международные жулики и доморощенные хапуги — для всех находит автор время и место на своих страницах. Он знает: женщин можно любить, но доверять им нельзя. Да и с мужчинами лучше быть осторожными...

ISBN 978-5-44-855843-6

© Кац Г.

© Издательские решения

Содержание

Книга первая. Каждому своё	6
Часть первая	6
I	6
II	8
III	10
IV	13
Часть вторая	15
I	15
II	15
III	17
IV	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ночь вне закона

Григорий Кац

© Григорий Кац, 2017

ISBN 978-5-4485-5843-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая. Каждому своё

«Невыдуманные истории из нашего недавнего прошлого некоторые люди хотят представить как нечто героическое, как борьбу справедливости со злом, не понимая одного: что злом, в данном случае являлось само государство, принявшее необдуманные, нечеловеческие законы, породившие, в свою очередь еще большее зло – рождение беспредела чиновников, коррупционеров, олигархов, которые правят страной более 20 лет. Между ними идет борьба не на жизнь, а на смерть. И не всегда побеждает сильнейший. Надеюсь, что это больше никогда не повторится».

Григорий Кац

Часть первая

I

Гулко отдавались шаги в полутемном прохладном подвале банковского хранилища. Молодой мужчина с кейсом в руке открыл ключом свой личный банковский сейф и выложил его содержимое в темное нутро железного ящика...

В шикарном ресторане, расположенном в самом центре города, звучала музыка и кружились пары. Ресторан был выбран не случайно. С лепного потолка свисала громадная золоченая люстра. Вышколенные официанты бесшумно подавали блюда. Столы были сдвинуты в огромную букву «П». И гости были все как на подбор – лощеные, солидные, и видно было, что они и есть «хозяева жизни» в этом городе. Оркестр старался угодить вкусам большинства и играл «приличную» музыку, без надоевших уху «шансонов», имеющих тюремный душок.

Среди танцующих особо выделялась красивая пара – сорокадвухлетний бизнесмен Эдуард и его молоденькая жена Марина. Сегодня ее День рождения. Она вся светилась радостью и гордостью за своего мужа, в которого тайно была влюблена еще со школьных времен. Эдуард – подтянутый, черноволосый, похожий на героев итальянских кинофильмов, с нежностью и любовью глядел на свою юную жену, упиваясь ее красотой, молодостью, послушным и гибким станом.

Танец закончился и тамада – маленький, щуплый мужчина кавказской внешности, пригласил всех танцующих за стол. Когда гости успокоились, тамада, – как оказалось, актер местного театра, – торжественно провозгласил тост «За новорожденную».

– Я хочу поднять этот бокал, – заговорил Эдуард, ударами вилкой по фужеру приковав внимание всех гостей к своей персоне, – за свою жену Марину и за себя. Не каждому мужчине в своей жизни предоставляется возможность отметить совершеннолетие своей жены.

Смех и аплодисменты сидящих за столом гостей были ему наградой за этот необычный, изысканный тост. Гости шумно поздравляли именинницу, желая ей на словах всяческих успехов. Соседний стол был завален подарками, и родители юной жены Эдуарда были удовлетворены вниманием и уважением гостей к их дочери и зятю. После тоста, как обычно, гости начали шумно обсуждать последние события в стране, в городе и в мире.

Мелодично зазвонил мобильный телефон. Эдуард незаметно приставил к уху аппарат.

– Аллю, слушаю.

– Эдик, вокруг тебя много народа?

– Стас? Это ты? А почему еще не в ресторане? Гости все в сборе. Не хватает только тебя..

– Ты должен приехать на фирму, по возможности, прямо сейчас. У нас проблемы.

– Что случилось?

– Не могу говорить. Ты срочно нужен.

– Хорошо, сейчас буду.

Поцеловав Марину в ушко, сказав ей пару комплиментов, Эдуард без суеты покинул ресторан. На молчаливый вопрос жены он только таинственно моргнул глазами и показал большой палец.

– Скоро буду.

Подъехав к стоянке, Эдуард не спеша поднялся в офис, расположенный на втором этаже престижного дома. Картина, которую он увидел, его ужаснула. Пол был усыпан разлетевшимися деловыми бумагами. Документы и папки рассыпаны на столах. Сотрудники-консультанты и переводчица стояли лицом к стене с поднятыми руками, упертыми в стену. Несколько бойцов в камуфляжной форме разгуливали по кабинету.

– Что здесь происходит? – громко спросил Эдуард. – Вы кто? – обратился он к оперативникам.

Один из них молча указал в другой кабинет. Войдя туда, Эдуард увидел у стола плачущую бухгалтершу и несколько человек в штатской одежде, один из которых был немного знаком Эдуарду. Это был Леонид Аркадьевич Миронец – заместитель начальника налоговой милиции района.

– А, явился бизнесмен? – полупрезрительно произнес Миронец при виде Эдуарда.

– В чем дело, что за бардак?

– Это ты мне сейчас расскажешь, делок, как получил наличку и как перевел валюту за границу!

– Не понимаю, о чем вы? Какие деньги, какая валюта?

– Не придуривайся. Встречная проверка фонда, куда ты загнал деньги, показала, что и ты пользовался лазейкой получения «нала». Перевод денег за границу тоже подтверждается. Так что все документы мы изымаем, а тебе прокурор установит меру пресечения – под стражу. Чтоб не мешал!

– Под стражу? Не выйдет. Нет оснований. Я социально не опасен.

– Это ты так считаешь, а я думаю иначе. Крушевский, прими его, – обратился Миронец к бойцу в камуфляже.

Миг – и на руках у Эдуарда защелкнулись наручники.

Эдуард подавил в себе ярость, пытаясь успокоиться.

– Ну и что дальше, может, прекратите этот цирк? Наручники, автоматчики, в камеру... Вы еще не закон, и санкций у вас на мое задержание или арест у вас еще нет.

– Сейчас будет...

Миронец открыл «дипломат», лежащий на столе, и достал небольшой целлофановый пакет.

– Это наркотик. И мы нашли его у тебя в столе. Понял?

Эдуард рассмеялся.

– Без меня? Нашли? А «понятые» кто, ваши бойцы? Или кто-то из моих сотрудников? Ну, вы даете! И можете это доказать?

– Без проблем... Крушевский, держи его.

Подскочивший боец схватил Эдуарда за запястье и мгновенно вложил в его ладони запечатанный пакет с белым порошком. Сжав его ладони в кулаки, Крушевский вытащил его из рук растерявшегося Эдуарда.

– Ну что, дорогой, теперь твоих пальчиков полный комплект.

Эдуард был потрясен случившимся. На миг самообладание покинуло его.

- Ты, сука ментовская, ты за это ответишь!
- Каждому свое, – ухмыльнулся Миронец. – Пошли.

II

«Обезьянник» в местном отделении милиции был заполнен до отказа. Бомжи, наркоманы, проститутки, просто алкаши вперемешку с ворами составляли вечерний улов. Эдуард в торжественном костюме с «бабочкой» выглядел на этом фоне, как черный рояль в болоте. Все вещи, которые были при нем в карманах, остались на столе в «дежурке». Ключи от «джипа», от квартиры, деньги, ключ от банковского сейфа, ключи от офиса, водительское удостоверение. Все это было сброшено в кучу и отправлено в целлофановый мешочек. Мобильного телефона при нем тоже не было.

Оказавшись в камере, пусть даже не в настоящей тюремной, а лишь в милицейском приемнике, Эдуард, знал, понаслышке о тюремных нравах, царящих в местах заключения, о паханах, терпилах и вертухаях, – и напряженно ожидал какого-либо подвоха со стороны временных обитателей камеры. Однако до него никому не было дела, и мало-помалу Эдуард успокоился и отдался своим мыслям: «В чем же дело? Кто его „подставил“? Что за документы в руках у налоговиков?»

О пакетике с наркотиками он и не думал, понимая, что это лишь провокация, чтоб применить к нему меру пресечения, – не только на 72 часа, а и вообще на все время следствия.

– Гринюк, к вам посетитель, – неожиданно вывел его из задумчивости голос милиционера.

У решетки стоял Станислав Круковский – друг, адвокат и юрисконсульт Эдуарда и его фирмы.

– Извини, что так произошло, – сказал Стас – если бы я был, то этой провокации не было бы. Я отъехал, чтобы позвонить тебе и кое-кого предупредить, а когда приехал, то тебя уже забрали. Здесь Марина, будешь с ней говорить?

– Да, только ты ее не пугай и ничего не рассказывай. Ну и праздник!

Марина стояла, держась за решетку. В ее огромных голубых глазах блестели слезы. Белокорые локоны длинных волос были заплетены в две косы, придавая ей вид ребенка.

– Эдка, я боюсь, они с тобой ничего не сделают?

– Маринка, не бойся. Все будет нормально. Это просто какая-то ошибка. Все успокоится, и меня отпустят.

– Я боюсь за тебя. Тебя хотят посадить? Да?

– Не волнуйся, киця-кицюня. Тебе нельзя волноваться, ты же будущая мама.

– Разве заметно? Доктор сказал, что у меня и в пять месяцев не будет заметно.

Эдуард горько усмехнулся.

– Гости разошлись? Что твои родители? Они уже знают?

– Все уже знают. Гости разбежались, как тараканы, как только узнали. Друзья называются.

– Да это не друзья. Ты же знаешь, что друзей у меня нет. Так, знакомые, партнеры по бизнесу, или те, кто живет за мой счет.

– А Станислав Георгиевич?

– Стас? Ну, это почти друг. Но у него тоже свои проблемы. Во всяком случае, на него я могу рассчитывать. Ладно, давай дуй домой и жди меня. Никого не слушай. Мы живем друг для друга. Правда?

– Да, я люблю тебя и никогда не брошу.

В камере стало шумно. Двое «блатных» выясняли между собой отношения.

– Ты, крыса, собака, ну-ка в будку! Или забыл, падла, кто тебе кость бросал?

– Не гони, Мокрый, я тебя не выставлял и не разводил. Ты сам повелся...

– Я гоню? Ты, сука, ответишь! – и один из них силой толкнул другого руками в лицо. Тот отлетел в сторону, задев случайно Эдуарда. Эдуард с разворота послал блатного в нокаут. В камере наступила тишина.

– Ты что, борзый? – обратился к Эдуарду один из «блатных». – Берегов не видишь?

– На зоне не кулак, а базар катит, – обратился к Эдуарду один из спорящих. – Западло решать базаром? Опустят сразу. На парашу отправят. Усек?

– Усек. Извини, брат, не хотел. Так вышло, – поднял Эдуард упавшего парня.

– Слышишь, это была твоя телка или кто?

– Жена...

– Уматова! Держи крепко, чтоб не улетела.

Эдуард ничего не ответил, только угрюмо кивнул.

– Гринюк, на выход! – какой-то милиционер окликнул Эдуарда, открывая замок на решетке.

В дежурной части Эдуарда ждал Стас.

– Я договорился, тебя опустят до утра. В 8 часов утра я тоже буду здесь, не подведи ребят.

Старший лейтенант – ответственный дежурный, молча кивнул.

Эдуард вышел на свежий воздух. Ночной запах его опьянил. Все произошедшее было как во сне.

– Подбрось меня домой. Свой «джип» я оставил на парковке, возле офиса.

– Садись.

Машина развернулась на стоянке возле райотдела и исчезла в темноте.

– Эдка! С порога кинулась к нему Марина.

– Да, моя мышка-малышка. Меня отпустили до утра. Не волнуйся, все будет хорошо.

Марина прижалась к нему, обхватив руками его шею. Руки Эдуарда скользнули по ее телу, тонкой талии. Легкий пеньюар очертил ее тоненькую фигурку. Эдуард почувствовал волнение Марины, его лицо зарылось в ее распущенные волосы. Губы жадно целовали ее шею, плечи. Прижимая одной рукой к себе ее тело, другой рукой Эдуард гладил шею и грудь Марины, нащупывая и глядя пальцами ее эрогенные зоны. Рывком сняв с себя одежду, он понес свою легкую ношу на кровать. Покусывая ее колени, Эдуард гладил это послушное трепещущее тело, соски, бедра.

– Кисуля моя, девочка моя, как я тебя люблю, – хрипло шептал Эдуард в ухо Марины. От этих слов, нежных рук, поглаживающих ее тело, у Марины вырвался стон. По коже побежали мурашки, ноги задрожали. Она забилась в его руках в пароксизме страсти.

Эдуард за год семейной жизни хорошо изучил это желанное, послушное молодое тело. Вновь и вновь добиваясь всплесков сладострастия ее тела, Эдуард «заводился» сам, часами наслаждаясь сладостным действием, которое происходило с ней по его воле. Раскиданные волосы, тонкое лицо, тонкая шея, закрытые глаза, сладкие стоны, переходящие временами в крик, возбуждали его больше, чем все взятые женщины, которых он знал до нее. Девственная, добродетельная душа очищала его от скверны реального мира, где разврат соперничал с предательством и мерзостью. Любовь, которую он испытывал к своей юной жене, была как богатство, как подарок, который он незаслуженно получил от Бога. Это был его мир, в который он не допускал никого. Он оберегал свою любовь от реалий развратного и злого мира, который находился за пределами их квартиры...

III

Раннее наполненное ароматом летнее утро предвещало жаркий и солнечный день. Редкие машины и редкие прохожие лишь подчёркивали этот ранний утренний час. Серая громада банка, казалось, была погружена в сон, и лишь верхние окна были освещены солнечными лучами. Человек нажал кнопку звонка, и за стеклянной дверью закрытого банка появился охранник. Человек вынул удостоверение и показал охраннику сквозь пуленепробиваемое стекло огромной золочёной двери. Охранник кивнул, открыл дверь и отдал «под козырёк».

– Ты один сегодня, Степаныч? – без предисловий задал вопрос пришедший.

– Да, товарищ майор, ночные дежурные сменились в шесть.

– Никто не помешает? – вопросительно глянул на охранника пришелец.

– Нет, делайте то, что считаете необходимым. Я подстрахую.

– Как тебе на этом месте? – спросил прибывший.

– Ничего, спасибо, – охранник помолчал немного. – Конечно, после той оперативной работы скучновато, но мне, как пенсионеру, нечего жаловаться. Спасибо, что посодержали. На милицейскую пенсию не очень-то проживёшь. А работа есть работа. Сколько молодых сюда хотят. А отставники никому не нужны.

– Хорошо, Степаныч. Я мигом. Вот пропуск, вот ключи. Оформлять ничего не надо. Сейф личный; чем меньше людей будут что-то знать, тем лучше.

Шаги гулко отдавались в полутёмном подвале банковского хранилища. Мужчина с серебряным кейсом в руке открыл ключом индивидуальную банковскую ячейку сейфа и выложил содержимое тёмного нутра железного ящика в свой кейс. Тугие пачки сто долларовых купюр ровным слоем заполнили содержимое кейса.

– Ну вот, – удовлетворённо хмыкнул мужчина. – Теперь мы посмотрим, кто кого.

Оперативное совещание у начальника налоговой милиции Степанченко Георгия Романовича подходило к концу.

– Поэтому примите все к сведению, – подытожил Степанченко. – Наша задача – пополнение бюджета любыми средствами. У нас есть план, доведите его до всех оперативных уполномоченных: доначислять безжалостно. За любую провинность. Есть ли умысел, или просто ошибка – не наше дело. У всех у них по два высших образования, – пусть считают правильно. Без штрафного акта пусть не возвращаются. Всё. Работайте. Миронец, останьтесь.

Наш недавний «герой», который так удачно «задержал» Эдуарда, остановился в дверях.

– Ну, что у тебя с этим наглецом? Нашел что-нибудь?

– Документы изъяты, банковский счет заблокировали, банковский сейф опечатали. Обыск ничего не дал. Везде пусто. И в банковском сейфе, кстати, тоже.

– Не может быть! Ну где-то у него же бабки есть? Он же обналичил полмиллиона долларов.

– Он все отрицает. Деньги перечислил в благотворительный фонд, есть платежка. Ни о каком переводе за границу валюты со счета фонда понятия не имеет, ничего не знает. Никаких товаров у фонда не получал и на фирму не приходовал. Ни НДС, ни налога на прибыль с этой операции нет.

– Но ведь встречная проверка показала, что на фонд он перечислил под какой-то договор, и деньги ушли за границу.

– Пока разбираемся. Что-нибудь найдем.

Степанченко с живостью в голосе спросил:

– А ты его держишь в КПЗ? Слышал, оформил по двести двадцать девятой?

– Был такой грех. Пусть посидит немного, остынет, а за это время сто сорок восьмая подспеет. Будет целый букет.

– Хорошо, действуй. Это дело у меня на контроле. Мобилизация в бюджет такой суммы – наша прямая обязанность.

За год семейной жизни Марина как-то отвыкла от родительской квартиры, где она прожила почти 17 лет. Родителей старалась чаще приглашать к себе, с гордостью показывая белую спальню, будуар, кабинет, гостиную, обставленные согласно ее собственным желаниям и вкусам. Эдуард с радостью обживал изысканный уют, который создавала Марина в их квартире. Поэтому обстановка родительского дома, действовала на нее удручающе, тем более, разговор, который завели с ней родители, не предвещал ничего хорошего

– Позор, до чего докатились! Обыск у моей дочери! – гневно восклицал отец, в раздражении ходя туда-сюда по квартире. – Все соседи, наверное, сбежались! Как теперь им в глаза смотреть?

– Ну и что? – возразила Марина. – Подумаешь, обыск! Ведь ничего не нашли. Перерыли все мое белье. Натоптали по коврам в обуви. А «понятые» – торговки с соседнего магазина. Шарили глазами, что, где и как. Противно смотреть было на их завистливые рожи.

– Ну, а как ты теперь будешь жить, если его посадят? – вставила мама. – Работать пойдешь?

– Пойду!

– Ты же ничего не умеешь. Он держит тебя в золоченой клетке. Ни профессии, ни диплома!

– Мне сейчас не до этого. Потом выучусь. Сейчас только деньги плати, и любой диплом можно получить.

– Все у тебя просто, – перебил женщин отец – У него какая статья? С конфискацией? И квартиру заберут, и все имущество, и останешься одна, – ни кола, ни двора.

– Надо разводиться, тогда половина имущества твоя. Ты молода. Кого-нибудь еще найдешь, вставила свои «пять копеек» мать.

– Мама, да ты что! – вспыхнула Марина. – Он моя судьба, и я разделю ее, какой бы она ни была. Я его люблю, понимаешь!

– Понимаю, но он же уголовник...

– Прекрати! – заорала в слезах Марина. – Не надо мне ваших дурацких советов. Это моя жизнь и моя судьба. Если что и случится, буду ждать до конца, и ребенка воспитаю сама!

– Какого ребенка? – хором удивились родители.

– Моего! Нашего! И не лезьте в нашу жизнь!

Марина в слезах выскочила из-за стола и хлопнула входной дверью.

Марина шла, не разбирая дороги. В глазах стояли слезы.

– «Как они могут!! Сами прожили жизнь вместе. Столько лет! Столько пережили вместе! Почему они так? Почему они так его не любят?.. Потому что отец хотел послушного и скромного зятя, чтоб слушался его и подчинялся. А Эдуард независимый, резкий, властный. Ему люди подчиняются».

– Девушка, постой, куда спешишь? Кто тебя обидел? – вывел ее из раздумий чей-то незнакомый голос. Перед ней стоял кавказец, с наглой усмешкой взяв ее за руку. Таких девчонки называли между собой «банабаками».

– Отпусти, да пошел ты! – резко одернула руку Марина, пытаясь пройти.

Улыбка исчезла с лица кавказца, и вместо нее проступил злобный оскал.

– Ты, курица, я к тебе обращаюсь по-хорошему. Будешь скулить, – залеплю в рожу. Что выделываешься? По-хорошему не хочешь, – будет по-плохому.

Он размахнулся и ударил Марину по щеке. Марина растерялась и заплакала. До этого никто не смел ударить ее. Тем более разговаривать с ней в таком тоне.

– Ахмед, оставь ее, – раздался за спиной кавказца чей-то голос. – Я ее знаю, видел, приходила в камеру к одному. Говорит, жена...

Это был Мокрый – случайный сокамерник Эдуарда.

– Ничего, я ее немного проучу. Пусть знает свое место, тварь.

– Ахмед, у нее крыша солидная, не лезь сюда.

– Ладно, пошла отсюда, блядь...

Это оскорбление доконало Марину. За прошедшие несколько дней пережить столько событий: арест Эдуарда, унижительный обыск, позиция родителей, а тут еще этот, скотина. Придя домой, она рухнула на кровать и вволю выплакалась.

В маленьком ресторанчике, всего на 8 столиков, стоял полумрак и чувствовалась прохлада от работающего кондиционера. За столиком расположилось трое мужчин. Один из них – Миронец, рядом его 20-летний сын, студент экономического института, напротив – помощник Миронца Александр Ратуш, его заместитель. Обед из трех блюд с десертом и коньяком сопровождался деловой беседой.

– У Гринюка шустрый адвокат.

– Станислав, что ли? Он же бывший следователь, мой сокурсник. Ушел из милиции, занялся бизнесом. Делок!

– Акт, который мы составили, он опротестовал, потребовал экспертизу КРУ и Института судебных экспертиз. Кое-что есть, но несущественно. На ремонт офиса Гринюк списал материалы без дефектного акта, оплатил услугу частному нотариусу – нет договора. На дебет 68 неправильно отнес несколько позиций. Короче, ничего существенного. Так, мелочевка. Даже на акт не тянет.

– А что по встречной проверке благотворительного фонда?

– За этим фондом стоят большие люди. Кое-кто из депутатов. Крутят конвертацию по крупному. И все чин-чинарем – не подкопаешься. На все есть лицензии Нацбанка, контракты, корреспондентские счета.

– Надо было ловить на горячем. Хлопнуть в момент «конверта».

– Нам не потянуть. Надо снизу: признание, очные ставки, а главное – найти деньги. Пусть докажет их происхождение.

– В том то и дело, что не подкопаешься. Гринюк в 94-м году декларацию заполнял, в выборах участвовал. Там указал 6 машин, дом, квартиру, деньги. Тогда же никто не спрашивал их происхождения. А сейчас уверяет, что это собственные сбережения, накопленные еще до 1994 года.

– Вот сволочь. Я всю жизнь пашу, ни суббот, ни выходных, не имею ничего, кроме «жигуля» и квартиры. А эти молодчики за 2—3 года уже разъезжают на джипах, имеют счета в банках и за границей.

– Папа, они все дельцы теневой экономики, – вставил свое слово сын Миронца Олег. – Нам в институте все подробно объясняют, как берутся кредиты, превращаются в наличку, оплачивают товары, услуги, продаются без оприходования и без налогов, а затем опять превращаются в безнал, и так крутятся...

– Все правильно, Олег. Так они и действуют. Наша задача – вывести их на чистую воду.

– Не все так просто, – вмешался Ратуш, – Государство установило такие правила, они и жестокие, а во многом чисто фискальные. И я их понимаю. Предприниматель вынужден кормить свою семью. За него этого никто не сделает. Если заплатить все, что изобретено по налогам, пошлинам, акцизам, лицензиям – то бесполезно работать.

- Они стараются не показывать прибыль, не платить налоги, не пробивать по кассе левые продажи подакцизных товаров. – дополнил Олег. – Папа, у меня уже практика. Я хочу, чтоб ты мне дал удостоверение проверяющего. Я возьму под контроль все киоски. Я буду их крышей...
- Не зарывайся, – ухмыльнулся отец, – все надо делать по закону и инструкциям.
- Закончив трапезу, все трое не торопясь вышли из заведения.
- Постой, мы же не заплатили по счету, – воскликнул Олег.
- Какой счет? – сказал отец. – Я их «крыша». Они мне всем обязаны.
- Класс! – восхищённо воскликнул Олег.

IV

Из темноты вырвались фары автомобиля. Притормозив у освещенного одинокого киоска, из машины вышли двое парней. Один из них Олег Миронец, другой, пониже ростом, Игорь Рогач, сокурсник Олега по институту.

Идея стать контролером мелкорозничной торговли «захватила» будущих аудиторов налоговой службы. Пользуясь удостоверением оперативных сотрудников, они уже почувствовали вкус добычи – брать торговые киоски на горячем – незаконная торговля подакцизным товаром, не пробитые кассовые чеки, отсутствие сертификатов на некоторые виды товаров. Это все походило на веселую игру. Им нравилось предъявлять свои новенькие удостоверения и видеть неподдельный испуг женщин, и молодых, и старых, торгующих в киосках. Вот и сейчас, предчувствуя кураж, они подошли к освещенному окошку.

- Девушка, водка есть? – спросил Олег.

В окошке показалось хорошенькое личико продавщицы. Заговорчески улыбнувшись, она кивнула.

- Дайте бутылочку.

- Шесть пятьдесят.

Олег молча протянул деньги.

- Сдачу возьмите – 50 копеек, – сказала девушка, подавая бутылку.

Одной рукой забрав водку, другой торжественно вынув удостоверение, Олег прокричал в окошко:

– Налоговая милиция!. Вы незаконно торгуете подакцизным товаром и не пробиты кассовый чек.

Лицо девушки посерело.

– Ой, ребята, что вы, да чек сейчас пробью, руки были заняты, закрутилась, – пыталась как-то оправдаться девушка.

- Не надо суетиться. Все ясно. Открывайте дверь.

Войдя в киоск, оперативники заметили неполный ящик водки, стоявший на полу.

- Лицензии тоже нет?

– Нет, – чуть слышно прошептала девушка. – Что же будет?.. Что вы сделаете? Я сегодня первый день. Не надо акта составлять. Я больше не буду.

– Акт составим, водку изымем, выручку заберем. Завтра утром ко мне в 312 кабинет налоговой милиции придешь.

Девушка залилась слезами.

- Хозяин меня убьет, выгонит. Я же с трудом работу нашла. Что же мне делать?

– Надо жить честно. Поднимать экономику страны, а не заниматься теневым бизнесом, Так и скажи своему хозяину, – поучительно проговорил Олег.

Игорь все время молчал. Не то, чтобы он был против действий Олега, но у него на этот счет было свое мнение. В отличие от Олега, отец которого занимал серьезный пост в налоговой

службе, его родители были скромные. Отец водитель, а мать работала в маленьком магазинчике продавщицей.

– Ребята, миленькие, ну не надо акта. Берите что хотите, только не надо акта. За товары я как-нибудь перед хозяином рассчитаюсь, а акт – это конец?

Девушка закрыла лицо руками и зарыдала.

– Ну ладно, – смилостивился Олег, – налей что-нибудь выпить и закрой киоск.

Девушка выставила на прилавок бутылку водки, стакан, и выбежала опустить металлические шторы киоска. Оперативники выпили по полстакана, закусив батоном хлеба.

– На, выпей с нами, – скомандовал Олег. Девушка послушно взяла стакан и залпом выпила обжигающую жидкость. В голове зашумело.

– Ну что, давай рассчитываться, – сказал Олег.

– Как? – спросила девушка, предчувствуя беду.

– Как – как, ну что, не знаешь, что мужчинам нужно? Любви!

– Вы что, у меня жених есть. Нет!...

– Тогда составляем акт. Игорь, доставай бланк и повестку. Сто минимальных окладов – нормально? Жених пусть и платит.

Девушка беспомощно зарыдала, оттирая слезы рукавом халата. Безысходность ситуации, бесправное положение, в котором она очутилась даже не по своей воле, горько захлестывали ее сознание. Сквозь туман выпитой водки, жалости к себе, она почувствовала, как в киоске повернули выключатель и погас свет. Чьи-то торопливые руки шарили у нее под юбочкой. Чьи-то губы пытались ее поцеловать. Отворачиваясь, она чувствовала, что колени ее подгибаются, и тело, ставшее вдруг непослушным, неловко укладывается в узком проходе киоска. Чье-то тело навалилось на нее, и ее пронзила не боль, а что-то невыносимо грязное и чужое вошло в нее, учащенно дыша перегаром.

Часть вторая

I

В полутемном баре играла громкая музыка. Звонко стучали бильярдные шары. В углу беззвучно открывали рот телевизионные ведущие на большом экране.

– Мокрый, то есть Витя, мы с тобой давние друзья, – медленно глотая пиво из кружки, сказал Станислав.

– Ну уж и друзья, – ухмыльнулся Мокрый. – Ты же пол-семьи моей пересадил, когда работал в уголковке.

– Ты же вор – чего же ты хочешь? Это была моя работа.

– А чего ты тогда меня сюда пригласил? Ты же знаешь, с ментом, даже бывшим, западло базарить, не то что пить пиво за одним столом.

– Короче, зачем девчонку обидели? Она же не шлюха развозная. Вам что, некого трахать или поприкалываться?

– Я тут ни при чем. Ахмед просто пошутил с ней, а она высадилась на измену. «Беланула», ну и Ахмед тоже «беланул». Все в порядке.

– Ну, я тебя предупредил. Ты меня знаешь.

– Говори с Ахмедом сам. Я ему не указ, – ответил Мокрый.

– Что мне с этим банабаком говорить? Они же все беспредельщики. Чеченцы, одним словом. Для них женщина не человек вообще, просто подстилка.

Мокрый помолчал.

– Слушай, начальник, Станислав Георгиевич. Тут из налоговых молодых кто-то по беспределу работает. Трахнули телку, забрали ящик водки, деньги из кассы. Передай им там, что так дела не делаются. Они уже десяток наших киосков грохнули. Берут на испуг, и без всяких документов конфискуют все что придется.

– Я об этом ничего не знаю. Может, это Миронца сын на практике резвится? Шустрый парень.

– Ага, шустрый. Ну, я тебя тоже предупредил. Пока.

Мокрый молча встал из-за стола и подошел к бильярдному столу.

II

Рынок гудел своей обычной жизнью. Подвозились товары, толкались покупатели, всюю работали обменные пункты и «кидалы» вокруг них. Словом, был обычный будничный день городского рынка. Из оперативной машины ГАИ вышел Александр Ратуш – расторопный помощник Миронца. Подойдя к молодому парню явно кавказской национальности, он спросил

– Алик, где Ахмед?

– Не знаю, с утра был, – ответил тот.

– Метнись живо и скажи, что я его ишу.

Ахмед не спеша, с улыбкой подошел к Ратушу.

– Салам алейкум, гардаш.

– Салам, салам, Ахмед, дело есть. давай отойдем.

Ахмед, уверенно расталкивая народ, двинулся к одному из павильонов. Зайдя в заднюю дверь, он провел своего гостя в закуток. Закрыв дверь, пригласил сесть.

– Садись, рассказывай, подслушивающих устройств нет.

Ахмед довольно хорошо говорил по-русски, с едва заметным акцентом.

– У тебя бригада при делах? – спросил Ратуш.

– А что? – вопросом на вопрос ответил Ахмед.

– Есть работа – забрать бабки. Крутой, но не бандит и не ментовский. Так, сам по себе.

– Сколько?

– Пятьсот кусков.

Ахмед присвистнул.

– Круто. Ты точно знаешь, что бабки есть?

– Да, обналичил недавно. Где держит, не знаю. «Наедь». Забери. Как положено, с половины. Заявлять не будет. Деньги паленые. По декларации нигде не проходят. Могут ему самому обернуться по сто сорок восьмой. Короче, можно «ломать».

– Где живет, кто родаки? Телка, куры, жены, дети?

– Жена молодая. Кажись, вторая. Про первую ничего не знаю. Короче, твоя проблема. Вот адрес. Сейчас он запертый сидит. Скоро выпустим – «типа ничего нет». Сработает?

– Вам, ментам, лишь бы бабки. Я уже по сто сорок четвертой проходил. Рецидив – это пятнашка. На нары я же пойду. А ты чистый. У вас ведь у ментов, как? – работать не хочу, воровать боюсь – пойду в милицию работать; а сейчас все в налоговую прут. Кстати, ты на моем рынке не шустри. Отзови своих налоговых псов, чтоб не шугали здесь народ. Я же с тобой по-хорошему. Всегда рассчитываюсь. А дань с торгашей – моя проблема. Накладные и прочая шура-бура – не надо.

– Хорошо. Это просто рейд. Нас ведь начальство тоже давит. Работу давай. Штрафы давай. Ничего страшного. Пару актов, пара тысяч доначислений и штрафов, и ты на полгода свободен. Будет еще рейд, я тебя предупрежу.

– Хоп-майли. Саг-бол, гардаш.

– Кончай свои приколы. Все. Держи меня в курсе.

Огни машины высветили одинокий торговый павильончик в нескольких шагах от троллейбусной остановки. В поздний час на остановке не было ни одного пассажира. Однако в павильончике горел свет.

– Давай сюда, – скомандовал Олег.

Игорь послушно припарковал машину за павильоном.

– Олег, только не зарывайся, – попросил товарища Игорь, – Наглеть тоже не надо. Если ведутся, то только припугни. Заберем, что возможно. Сильно не дави.

– Да чего ты боишься? Все же было нормально. Никто не пикнул. Все они знают, что халтурят.

– У меня какое-то состояние тяжелое, как предчувствие.

– Ерунда, это после дискотеки тебя ведет. Ты так классно этим телкам «чесал». Прикинь, они и вправду поверили, что ты капитан СБУ. Ну ладно, это уже последний. Пора уже домой.

Выйдя из машины, друзья зашагали к павильону.

– Девушка, дайте бутылку водки, – спросил Олег, заглядывая в окошко павильона.

– Водки нет, не торгуем.

– Ну, для своих, хоть бутылочку. Очень надо.

Продавица помолчала, глянув в глубь павильона, – семь гривней.

– Давайте, – сказал Олег, протягивая деньги.

Получив бутылочку, Олег уже ставшим привычным жестом вытащил удостоверение и громко сказал:

– Налоговая милиция. Незаконная продажа подакцизным товаром и не пробитый кассовый чек. Открывайте киоск.

Девушка испуганно посмотрела на Олега. Но ничего не сказав, пошла к дверям. Лязгнула внутренняя щеколда железной двери павильона. Дверь приоткрылась, и парни по одному переступили порог.

– Будем составлять... – только и успел проговорить Олег. Что-то неуловимое слева от него с силой обрушилось ему на голову.

Игорь попытался сделать шаг назад. Его глаза на мгновение увидели нападавшего и руку, в которой находился стальной обломок, кровь на голове Олега и застывшие в ужасе глаза продавщицы. Это было последнее, что он увидел в своей короткой жизни.

– Живо, заматывай их, – приказал Мокрый двум другим бандитам, передавая холщовые мешки. – Голову в мешки, и завязывай на шее, чтоб не упали.

– Мокрый, ты же их замочил. Ты что, охренел? – в оцепенении произнес один из них.

– Он меня узнал, – ответил Мокрый. – Я не мог по-другому.

– Это же беспредел. Ты знаешь, что будет.

– Знаю, его батя меня давно пасет. Несколько раз меня уже по сто сорок восьмой привлекал. Откупался. Его щенок перепрыгнул бы папашу, если б не остановили. Он изнасиловал Машку прямо в киоске. Она же моя невеста. У нее истерика была несколько дней. Ты думаешь, я забыл? Мы в расчете. Возьми у этого из кармана ключи от «жигуля». Открой багажник. Перегрузи их туда. А потом в Десну. Усек? Удостоверение подбери, кинь в машину. А ты вытри тут, – обратился он к продавщице, – чтоб чисто, ни крови, ни пыли, и продолжай работать, как ни в чем не бывало.

Продавщица молча кивнула и принялась обтирать порог.

III

Миронец потянулся в рабочем кресле. Было 9 утра. Солнце заливало кабинет. День обещал быть жарким. Зазвонил телефон, и Миронец нехотя взял трубку.

– Миронец слушает.

– Лёня, ты с Гринюком как, закончил?

– Нет еще, товарищ полковник. Заканчиваем.

– Отпускай его и дело закрывай. Есть акт КРУ, где сказано, что у фонда, на момент перевода денег за границу, на счету было около четырёх миллионов. Подтвердить перевод денег именно Гринюковских не представляется возможным. И договор его об оказании услуг в порядке. Или он акт купил, или они вообще там...

– Какие услуги? Консультационные... за 500 тысяч долларов? Это о чем его надо было консультировать?

– Фонд даже расшифровку затрат дал. Привлечение иностранного страхового эксперта, все такое. Короче, выпускай, извиняйся, как хочешь.

– Так что, это я его разве выпасал? Это же вы мне дали установку по материалам встречной проверки.

– Ты меня не учи, – ледяным тоном произнес в трубке голос Степанченко. – Не умеешь правильно работать, будешь заносить свои хвосты.

В трубке зазвучал отбой.

– Скотина, – выругался Миронец.

Миронец набрал номер домашнего телефона.

– Люда, Олег не объявлялся? Вот негодяй! Где его черти носят? Гуляют всю ночь. Больше не дам ему машину. Ладно, как позвонит или придет, пусть со мной свяжется.

Раздался звонок из приемной.

– Леонид Аркадьевич, Ратуш на проводе, – сообщила секретарша по внутренней связи.

– Соедини. Алло, Саша, ты где?... Не понял, чья машина? Говори внятно.

– Вашу машину в 6 утра обнаружил участковый в селе. Возле Десны. Никого нет. Пустая. Оперативная выехала.

– Где это? Сейчас выезжаю...

На берегу Десны толпа народу возбужденно рассматривала в воде какие-то предметы. Синие «жигули» 9-го выпуска, три милицейских «уазика», скорая помощь, сотрудники милиции. Вот такую картину застал Миронец, примчавшись на служебной автомашине ГАИ на берег реки. Предчувствуя самое страшное, Миронец подошел на негнущихся ногах к старшему оперуполномоченному.

– Где он? – сорвавшимся голосом спросил Миронец, надеясь на чудо.

– Уже в скорой. Там патологоанатом.

– Он утонул? – не веря своим ушам и глазам, безумно раскрытым навстречу трагедии.

– Убийство. Оба с черепно-мозговой травмой, сброшены в воду. Их утром обнаружили рыбаки, заявили участковому. Бригада с кинологом уже работает... Вы их знаете?

– Это мой сын, – промолвил едва слышно Миронец.

– Следов много, протекторы двух иномарок, показания очевидцев, – не расслышав слов Миронца, продолжал оперативник, – Думаю, на след выйдем.

– Это был мой сын, – повторил Миронец со слезами на уставшем лице.

Миронец сидел в кресле, опустил голову на скрещенные на столе руки. Сквозь туман в сознании до его слуха доносились телефонные звонки, на которые он не реагировал. Он вспоминал глаза своего сына, его речь, его ладную фигуру. Всё пошло прахом. Сына больше нет. Нигде нет. Его сердце сжималось от жалости к сыну, ненависти к убийцам. Он не связывал его гибель с его деятельностью как будущего налогового инспектора. Не мог даже себе представить, что его действия могут носить противоправный характер. Он был просто отцом. Его собственная служба, сначала в органах ОБХСС, затем в налоговой милиции сплошь состояла из своего рода уступок и давления на субъектов предпринимательской деятельности, а попросту фирмачей. Он был изначально убежден, что все они «ловчилы, аферисты и воры», пытающиеся спрятать концы в воду, переиначивая по-своему налоговые требования. В душе он понимал, что государство в агонии перед бюджетной политикой, ставит на пути правильной экономики барьеры в виде извращенной налоговой системы, порождающей штрафы, пени, доначисления и прочие санкции к людям, пытающимся её обойти. Законы и указы о налоговой службе развили в нём уверенность в необходимости жестких действий, но он забывал, что за всем этим стоят люди, судьбы, имущество и прочее, из чего состоит человеческая жизнь. С лёгкостью подписывая заведомо неправдивый акт в отношении фирмы, он считал, что делает государственное дело. Что все эти люди, бизнесмены, если им дана воля зарабатывать деньги – должны платить. Штрафные санкции, возбуждённые уголовные дела – обычная рутина ежедневной службы, не давали ему сознания того, что этим он ломает чью-то судьбу. Отмена санкций и прекращение уголовного дела случались нередко. В таком случае он переживал это как зубную боль, оставляя в сердце неприязнь к человеку, посмевавшему ускользнуть от ответственности и, тем более, доказать свою правоту.

Из этих горестных размышлений его вывел голос конвойного милиционера:

– Товарищ подполковник, арестованный Гринюк доставлен.

– Пусть зайдет, – пробормотал Миронец.

Эдуард, поникший и помятый, но хорошо одетый в тенниску и джинсы, тем не менее смотрел на Миронца дерзко и держался независимо.

– Садись, – сказал Миронец, тяжело поднимая глаза на Гринюка.

– Я уже слышал о случившемся. Выражаю вам сочувствие, и если нужна помощь...

– На хрен мне твое сочувствие! – сорвался в крике Миронец. – Все вы скоты и бандиты! Все равно я вас всех найду и придушу вот этими руками! Я город поставлю на уши. Упрячу всех в тюрьму! Вы не сможете продать даже сраной банки пива!

– Пусть меня уведут, – громко сказал Гринюк, прерывая бессвязные угрозы Миронца.

– Нет, подожди. Я вот что сделаю. Я тебя выпущу по подписке, чтобы ты мне их нашел. Если найдешь – вообще закрою дело. Понял?

– Это что, сделка? – спросил повышая голос Эдуард. – Тогда, в таком случае, скажите, где мои деньги? Кто их украл?

– Какие деньги? Никаких денег нет. При обыске их не обнаружили.

– Ваши шестерки их украли! Они были в банковском сейфе. Ключи у меня отобрали при задержании. Верните деньги!

– Ах ты, тварь неблагодарная. Деньги ему подавай! Не видел я твоих денег и не знаю ничего. А если они и были, то тебе никогда не доказать их происхождение. Да только за то, что они у тебя есть, ты будешь нести ответственность за неуплату налога. С умыслом. Это всё равно с конфискацией до 5 лет.

– Вы меня обчистили, понимаете? Как мне дальше жить? Как рассчитываться с партнерами?

– Обчистили? – ехидно передразнил Миронец. – Ты же утверждал, что никаких денег не получал, и у тебя их нет. Я на твоём месте радовался бы, что так обошлось, иначе сел бы надолго.

– Вы на моём месте никогда не будете. Вам очень хорошо на своём. Ни риска, ни ответственности, только одни права...

При этих словах Эдуарда, Миронец схватился за грудь и со стоном согнулся над столом.

– Катись ты отсюда, делок долбаный. Я лично рад, что тебя «кинули». Не дай тебе бог – оказаться на моём месте. Иди, пропуск я уже выписал. Но запомни, если ты мне их не найдешь, я тебя достану из-под земли.

Выйдя из банка на залитую солнцем улицу, Эдуард направился к своему джипу, припаркованному возле тротуара. Как и оказалось, денег в его личном сейфе не было. Никто из банковских служащих и охранников не мог определённо сказать, кто, когда и при каких обстоятельствах воспользовался ключом и пропуском. Всё это было отобрано у Эдуарда ещё при задержании. Ситуация осложнялась ещё тем, что и расчётный счёт был заблокирован штрафными санкциями налоговой службы. Даже если дело в отношении его и прекратят, всё равно пройдёт довольно долгий срок, пока он сможет оперировать средствами фирмы. Словом, ситуация критическая. Дело ещё и в том, что часть денег он должен был отдать своему иностранному партнёру. «Кидок» в данном случае был бы неуместен, так как при этом все легальные и нелегальные каналы его бизнеса были бы тогда перекрыты. А кроме того, его ожидали бы «крутые разборки».

– Эдуард Викторович Гринюк, я не ошибся? – обратился к нему человек в штатском, в хорошей физической форме, или как его можно назвать, «качок».

– Да, а что?

– Вас просят в машину. Нужно проехать в налоговую администрацию для уточнения.

– Я на своей машине, – сказал Эдуард. – Я вас догоню.

– Ничего, поедемте с нами. Есть ещё разговор по дороге.

– А как же мой джип?

– Мы вас обратно сюда доставим через полчаса, как утрясём кое-какие вопросы.

– А, это наверное с актом КРУ, не так ли?

– И с этим тоже. Пошли.

На заднем сидении, куда сел Эдуард, уже сидел один человек. Эдуард оказался посередине. Машина была не широкая, опель «Вектра» бежевого цвета. Эдуард, взглянул на человека, сидевшего слева от него, как вдруг почувствовал, что к лицу его прижали платок с резким запахом эфира. Невольно вздохнув, Эдуард провалился во тьму.

IV

Лёжа на «вертолёте», Марина с неприязнью давала ощупывать и осматривать свои органы пожилому усатому врачу. Пожилая медицинская сестра записывала данные УЗИ в её карточку.

– Ну что, мамаша, ты же видела на экране? У тебя будет мальчик, и судя по твоёму хитрому личику, довольно хорошенький. Папа тоже рыжий, как ты?

– Чёрный, как негр.

– Значит, будет чёрненький. Одевайся. Придешь через месяц. Вот направление на анализы. Не кури, не пей, с мужем спи осторожно. Пусть потерпит. И чего ты такая молоденькая замуж вышла. Гуляла бы себе. Нет, в дочки-матери захотелось поиграть. Ну-ну.

В приёмной Марину ожидала мама.

– Что сказали?

– Пятнадцать недель. УЗИ показал – будет мальчик.

– Ну, это ещё не точно.

– Точно, точно, я сама видела, как двигалась тень.

– Ладно, уж. Придётся стать бабушкой. Это в сорок-то лет...

Очнувшись, Эдуард понял, что попался очень глупо. Он знал и предполагал все последствия его «вывоза на лес», и пытался сконцентрировать свои мысли на главном.

– Убить не убьют, это не по «понятиям». Изобьют, припугнут, пригрозят, определят сводную крышу, назначат стрелку, что-то решат, на что-то поведутся. Убийством не закончится. Знать бы только, неужели это Штефан? Или кто? И где этот чёртов Стас?

Эдуард стоял лицом к стволу дерева, обняв его руками. Руки были защёлкнуты наручниками. Поглядев по сторонам, он увидел бритоголовых молодцев в чёрных кожанках, которые со свирепым видом бродили невдалеке, делая вид, что не обращают внимания на Эдуарда.

– Ну что, Белый, будем кончать его или пусть колется?

Эдуард усмехнулся про себя. Весь этот набор рэкетских реплик и приёмов, включая утюги, наручники, подвешивания за ноги, – довольно болезненный, как пытки. По-настоящему же угроза приведётся в исполнение только после невыполнения условий или ответного беспредела. В последнее время «стрелки» заканчиваются «базаром», мобильными звонками, визитками и именами «крутых» депутатов, чинов милиции или СБУ. У всех появилась единая опасность, на уровне форс-мажора – это налоговая система.

– Отстегни его, – раздался голос за спиной Эдуарда.

Эдуард повернулся, разминая затёкшие руки.

– Знаешь, зачем ты здесь? – спросил Ахмед.

– Понятия не имею, – ответил Эдуард.

– Ты должен бабки, пятьсот штук.

– Кому должен?

– Люди заказали забрать долг.

– Ну, кто? Есть малявка, договор, ответ? Кто?

– Сам знаешь.

– Не темни, говори, кто. Я сегодня только из камеры.

– Будешь отдавать или я тебя отдаю им, – кивнул Ахмед в сторону бритоголовых.

– А ты ответишь потом? Ты уверен? – спросил Гринюк в ответ.

– Я отвечаю. А ты думай. Думай.

– Так кто тебе заказал меня?

– Какая тебе разница. Ты всё равно сядешь надолго, или я тебя кончу.

Ахмед встал и пошёл к машине, стоявшей неподалеку. К Эдуарду подошли «бритье» и ногой в лицо отправили его в нокаут... Внезапно Эдуарда осенило. «Точная сумма «конверта» известна лишь Стасу, ему и Миронцу, проводящему следствие. Ни Штефан, ни кто другой об этом не догадываются. Их доля лишь пятая часть этой суммы. Миронец! Вот кто «навёл» Ахмеда на след денег. Но денег нет. Может, это Миронец замечает следы? Ну погоди, сука. Я тебе сделаю...», – пролетело в мозгу у Эдуарда

– Стой, пацаны. Я готов говорить! – крикнул Эдуард.

Избиение прекратили. К ним подошёл Ахмед.

– Опомнился? Так лучше.

– Деньги отдам, но там не мои. Моих только сто штук.

– Не понял? Лапшаешь? Каких сто штук? Сказал пятьсот!

– Хорошо. Пусть забирают. Забиваем стрелу на завтра. Где? Здесь? Кто с твоей стороны?

– Веди кого хочешь. За ментов ответишь. Хоп-майли.

– Слышь, ты кто, чечен? – спросил Эдуард.

– Нет. Не чечен. Всё, смотри!

Мобилки в кармане не оказалось, и прошло более часа, пока он добрался до телефона. На длинный гудок ответил знакомый голос.

– Слушаю.

– Анатолий, это ты? Это Эдуард. Не забыл?

– Эдик, ты где? Отпустили? Мы тут занимались твоей проблемой. Всё нормально – КРУ не подвели, так что с тебя пол-литра.

– Так Миронец знал уже про акт КРУ?

– Конечно. Он должен был закрыть дело по шестой статье, пункт два УПК. А что, разве он тебя не отпустил?

– Отпустил. Слушай. Есть дело. Ты меня примешь сейчас?

– Конечно, дорогой! – смешно подражая «востоку» ответил Анатолий. – Иди, пропуск закажу.

Не спеша одевшись, Алена вопросительно посмотрела на лежащего на кровати Анатолия.

– Поднимайся, лентяй, – улыбнувшись проговорила она. – Займись серьезными делами.

– Сейчас у меня нет никого серьезнее тебя, – отпарировал Анатолий. — Ты же сама знаешь, что при виде тебя у меня даже волосы на голове встают, – шутливо проговорил он.

– Знаю, знаю, – как ты глотал слюни, когда мы были с Эдуардом вместе. Женщины замечают такие вещи без всяких слов.

– Я разве виноват, что он встретил тебя раньше меня?

– За тебя я бы все равно не вышла. Ты ни в какое сравнение не идешь с Гринюком. Ты просто мент, и разговоры и повадки у тебя милицейские.

– Ну уж прям, ни в какое сравнение...

– Женщинам, чтобы ты знал, кроме всего прочего нужно еще и отношение, и любовь, – возразила Алена, причесываясь перед зеркалом.

– Я же тебе не раз говорил, что люблю тебя, – сказал Анатолий, одеваясь.

– Говорил, говорил, помню. Всегда после глубоких возлияний ловил меня, чтоб Эдуард не видел. Еле отбивалась от тебя.

– Ну все равно, я же получил тебя, – с нотками торжества проговорил Анатолий.

– Воспользовался моей слабостью, поэтому и получил. А так бы – никогда...

– Аленчик, не тринди, не порти картину. Мы вместе, а это уже кое-что... Я тебя всегда любил, еще со школы.

– Ты не любил, а играл в футбол, а Гринюк подсуетился и забрал.

– Ну конечно, ты была такая красавица-модель класса. Недотрога. На меня даже не смотрела. Ты так и не рассказала, кстати, чего вы развелись?

– Сама дура, себя так прокливаю. Вот такой же, как ты, попался в отпуске. Пристал – не отцепишься. Ну и увез меня в Москву. Я как чумная ходила, боялась позвонить Гринюку. А у того «бобра» деньги – куры не клевали, покупал мне всё, на что я пальцем указывала.

– Он же старше тебя был, а ты красавица. Сколько тебе было тогда?

– Двадцать пять... Мозгов не было, вот и влипла. Эдуарда потеряла, и того посадили. Осталась одна, так себе – ни мужа, ни детей.

– А с Эдуардом хоть видишься?

– Да, как-то посидели в кафе. Он без ума от своей Марины. Тоже мне, нашел себе куклу-малолетку. Вы все, мужики, на малолеток кидаетесь. У них же ни мозгов, ни чувств.

Анатоль, одевшись, обнял Марину.

– Кто как. А я без ума от тебя.

– Ну да, на пару раз в неделю без ума.

– Что ты хочешь – работа съедает все мое время. Ты знаешь, что у твоего бывшего, Гринюка, сейчас серьезные проблемы?

– Так давай, помоги ему. Он тебя отблагодарит. Он хороший.

– То, что ты со мной – считай, уже отблагодарил, сам того не зная. Он и про тебя говорил только хорошее.

– То была моя ошибка, – выдавила из себя Алена.

Расставшись у подъезда, любовники разошлись в разные стороны, договорившись о новой встрече. Ни Анатолий, ни Алена, естественно, не рассказывали Эдуарду о своей тайной связи, считая, что это никак не отразится на его отношении к своему школьному приятелю – полковнику СБУ, и к своей бывшей жене Алене. Жизнь есть жизнь, и любой человек, встречающийся с нами в нашей жизни – это провидение Господне, посланное нам или в наказание, или в помощь.

Рассказав Анатолию всё, включая Ахмеда, Эдуард откинулся на спинку кресла и закурил.

– Да, история забавная. Так что ты предлагаешь? – спросил Анатолий.

– Я Миронца спалю. На взятке, за то, что отпускает меня, типа, под расписку о невыезде и с последующим прекращением дела.

Анатолий, подумав немного, ответил:

– Не жалко? У него ведь сын погиб.

– Он меня не пожалел. Провокацию с наркотой, камеру, бабки. Я его не прошу.

– По его сыну, по факту, следствие идёт. Вымогал у торгашей взятки, прикрываясь отцом. Куча свидетелей. Дают показания. Грязная история.

– Кто это сделал, нашли?

– Найдём. Это вопрос нескольких дней. Так ты не раздумал? Потому что на Миронца у нас тоже есть материал, а раскрутить не можем без возбуждения дела.

– Давай, делай, что надо. Только быстрее, – нетерпеливо проговорил Эдуард.

– Что? Заявление по всей форме и вперёд. Про Ахмеда забудь. С ним разберутся.

– На стрелку ты придёшь? Сам? С ОМОНОм, с «Альфой», а может, с «Беркутом»?

– Обойдётся. Много чести шпану «Альфой» брать. Короче, об Ахмеди забудь. Он больше тебя не потревожит.

У частного дома за городом остановился черный автомобиль. Из него вышли трое мужчин в коричневых кожаных плащах. На их лицах были написаны все человеческие пороки. Шрамы, порезы и опухшие глаза выдавали в них представителей преступного мира, а бледность лиц говорила о нахождении их длительное время в закрытом помещении. Молча эти люди открыли калитку и вошли во двор. Без слов поднялись по ступенькам в дом и ногой распахнули дверь. В большой прихожей находилось человек восемь ахмедовских «бойцов», которые при появлении пришедших пришли в движение.

– Сидеть, падлы, – спокойно сказал более низкий из пришедших с невероятно широкими плечами. Из расстёгнутого плаща тупо сверкнул автомат Калашникова, выпустивший в потолок пару очередей.

– Всем на пол, руки за голову – скомандовал главный. – Да ложись, сука, – пнул он ногой одного из «бандитов».

– Кто здесь Ахмед? – выговорил самый здоровый верзила двух метров роста.

– Я Ахмед, – сказал один из лежавших на полу.

– Ты, банабак вонючий, чучмек копчёный, – сказал в лицо Ахмеду громила. Ахмед побледнел, но ничего не ответил.

– Ты здесь кто? Козёл или петух? – все трое заржали.

– Я Ахмед, это мой район, а это моя бригада.

– Так ты кто, бля, бригадир? – выпустив в лицо Ахмеду струю дыма от сигареты, сказал громила.

– А кто вы? Кто ваш хозяин, чьи вы солдаты, кто ваша крыша? – спросил Ахмед, пытаясь подняться с пола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.